Свежеприготовленный жареный рис с яйцом был горячим, хрустящим снаружи и мягким внутри. Также чувствовался соблазнительный аромат сала. Растопленное сало, смешанное с нежирной свининой, делало мясо более нежным.

Это блюдо с легкостью могло удовлетворить аппетит голодного человека.

Хрустящая яичная корочка, нежный рис и ароматная соленая свинина заставили Хэ Сунбая на время забыть о смущении из-за того, что он был без рубашки. Проголодавшийся Хэ Сунбай хорошо поел, не говоря уже о том, что кулинарные способности его девушки были первоклассные. Это было настолько вкусно, что люди могли проглотить свои языки. Эта еда, покрытая маслом, могла утолить голод Хэ Сунбая, похожий на черную дыру. Когда он был подростком, то плохо питался, а теперь его сила и аппетит удвоились, так что он съедал порцию больше, чем обычный взрослый мужчина.

Чжао Ланьсян с удовлетворением наблюдала, как рис в коробке с обедом постепенно исчезал во рту парня со скоростью, видимой невооруженным глазом.

Рот Хэ Сунбая был полон, но он продолжал запихивать в себя рис. Глубокие и острые глаза парня обычно были свирепыми и сосредоточенными, но он прищуривался от удовольствия, когда кусал жирное мясо. У Чжао Ланьсян создалось впечатление, что перед ней был маленький тибетский мастиф.

Как мог худой человек есть так много? И его живот до сих пор был плоским.

Не удержавшись, она протянула руку, чтобы дотронуться до талии парня. Ее большой палец прикоснулся к твердому прессу – и тело Хэ Сунбая вдруг напряглось, он замер.

Чжао Ланьсян снова надавила, а в следующую секунду ее руку схватила грубая мужская ладонь.

Хэ Сунбай неестественно произнес:

— Не надо, не трогай, — голос был жестким и хриплым.

Чжао Ланьсян ответила:

— Ты продолжай есть, в другой коробке есть еще суп. Ты ешь, а я буду…

Она не закончила говорить, заметив его покрасневшие уши, а затем приподнялась, чтобы подарить ему маленький осторожный поцелуй.

Нежный голос Чжао Ланьсян нес в себе несметное количество удовольствия:

— Ты такой милый.

Чувствительная шея Хэ Сунбая ощутила мягкое прикосновение, и его сознание внезапно помутилось, а все тело напряглось, как полностью натянутый лук.

Чжао Ланьсян вдруг поняла, что он больше не ел и не пил суп, а все его тело просто застыло на большом камне.

Она ощущала жар мужского тела, которое постепенно становилось все горячее. Голос парня был хриплым, как у измученного жаждой человека, который несколько дней блуждал по пустыне:

— Ланьсян…

Чжао Ланьсян положила свою слегка прохладную руку на его талию – и Хэ Сунбай тут же резко встал, расплескав содержимое миски на себя. Как стрела, выпущенная из тетивы, Хэ Сунбай вдруг исчез.

Чжао Ланьсян с изумлением смотрела на еду, упавшую на землю. Все так быстро переменилось, что она даже не успела погнаться за ним.

«Это… это… что за черт!»

Она не знала, плакать ей или смеяться. Вскоре Чжао Ланьсян подняла упавшую миску. Ей хотелось снова поцеловать Хэ Сунбая, но она не ожидала, что не сможет получить даже такой возможности.

Страсть ее старика была настолько неистовой, что переполняла его, и малейшая искра могла бесстыдно зацепить его на долгое время. Когда же наступала очередь этого молодого человека, он реагировал, как жесткий кусок дерева! И убегал при первых признаках волнения!

***

Хэ Сунбай сбежал обратно в долину, словно у него горел зад.

Он вытер пот со лба. Его сердце никак не могло успокоиться, а все тело, казалось, сгорало изнутри.

Только физическое истощение, вызванное скучной работой, могло заставить его отпустить все странные мысли, возникшие в его голове.

Его тело было таким горячим, что он работал с неистовой интенсивностью. Как будто работа стала выходом, Хэ Сунбай продолжал переворачивать землю лопатой и вскоре перепахал все маленькое поле. После этого он взялся за работу учителя Гу.

Глаза учителя Гу были прищурены от палящего солнца. Он смотрел на молодого человека, который трудился, как бык, и не мог избавиться от странного чувства:

— Хорошо быть молодым. Ты был бы превосходным рабочим.

Низкий, хриплый голос Хэ Сунбая выдавал беспомощность:

— Я никогда в жизни не смогу попасть в рабочий класс.

Ему даже не давали хорошее рисовое поле. Хэ Сунбай не смел думать о рабочем классе, о славной и хорошо оплачиваемой работе. Как он мог осмелиться думать о дочери горожанина, когда даже не мог думать о месте рабочего?

Учитель Гу тяжело вздохнул, встал и вернулся к работе, во время которой начал радостно напевать:

— Если жизнь тебя обманет, не грусти, не тревожься! Будь спокоен в дни уныния: верь – и наступят счастливые дни!

Хэ Сунбай не хотел обращать внимания на этого мужчину, который пытался развеселить его, и ушел с головой в свое занятие.

Чжоу Цзячжэнь, которая также находилась в долине, стояла под палящим солнцем, и по лбу ее катились бисеринки пота. Вся она выглядела так, будто ее только что вытащили из воды. У нее было так мало сил, что ей было даже трудно вытереть пот. Рука девушки внезапно ослабла, и лопата с глухим звуком упала на землю.

У Лянпин заметил это, подошел к ней и сказал:

— Похоже, у тебя тепловой удар, иди отдохни в тени, а я обработаю твою часть поля.

Чжоу Цзячжэнь на этот раз не стала храбриться. Она устало вытерла пот и сказала:

— Товарищ У, спасибо тебе большое.

Она пошла охладиться в тени, а У Лянпин взял в руки лопату и тщательно все взрыхлил. Накатила жара, и воздух перед ним задрожал, как в печке.

Чжоу Цзячжэнь просидела до позднего вечера, когда дискомфорт, вызванный тепловым ударом, наконец немного утих.

У Лянпин снял очки, и открылись пара его теплых глаз. Парень молча взял пакет Чжоу Цзячжэнь в руку:

— Можете, нам пойти в больницу?

— Не нужно, ничего серьезного…

У Чжоу Цзячжэнь было мало денег, поэтому она терпела мелкие болезни, сколько могла. Девушка не могла позволить себе пойти в больницу за лекарством. Она с благодарностью забрала у него свои вещи:

— Мне намного лучше, я сама вернусь.

Если бы Чжао Ланьсян не подтрунивала над ней, Чжоу Цзячжэнь не обратила бы внимания на У Ляньпина. Чрезмерное усердие этого парня вызвало панику в сердце Чжоу Цзячжэнь.

У Лянпин на мгновение замешкался, пристально посмотрел на девушку, которая в панике отвела взгляд, и произнес:

— Цзячжэнь, у меня есть хорошие книги. Хочешь почитать их?

Чжоу Цзячжэнь посмотрела вниз на открытые пальцы в своих сандалях и сказала:

— Я не очень хорошо выгляжу.

Когда У Лянпин услышал эти слова, в его глазах промелькнули странные эмоции, но через пару секунд ему удалось вернуть самообладание. Он несколько неловко сказал:

— Ты забыла, Цзячжэнь? Красота человека заключается не в его внешности, одежде или прическе, а в нем самом, в его сердце, — словно вернувшись к тому, что у него хорошо получалось, этот немногословный человек стал немного красноречивее.

На глаза растроганной Чжоу Цзячжэнь навернулись слезы:

— Спасибо, товарищ У.

Ее дрожащие губы не могли больше ничего сказать.

Чжоу Цзячжэнь волочила свои тяжелые ноги обратно домой в лучах заходящего солнца.

***

Вечером Хэ Сунбай вспомнил, что Чжао Ланьсян после ужина все еще должна была находиться в полуразрушенном доме, чтобы следить за зерном. Потом он подумал о том, что произошло днем, и у него страшно разболелась голова. Она так сильно донимала его, что скоро он не сможет сохранить свое самообладание и даже, возможно, совершит подлый поступок, причинит ей боль. В этом смысле чем бы он тогда отличался от зверя?

После ужина он задумался, как справиться с отношением Чжао Ланьсян и обеспечить ее безопасность. Хэ Сунбай некоторое время колебался и вскоре отправился в долину со свой лампой.

Он молча подошел к скромному домику и сел у стены.

Отсюда он мог слышать, как Чжао Ланьсян перелистывала страницы своей книги, как шелестели листья, и на сердце у него становилось спокойнее.

Хэ Сунбай не закрывал глаза и смотрел на слабый свет фонаря, пока его глаза не заболели.

Чжао Ланьсян сидела на корточках за пределами долины и, прождав долгое время, так и не услышала шороха в траве. Она стиснула зубы: «Этот человек действительно недогадлив! Его действительно нужно учить всему!»

Если она не рассердится, то он не познает, что такое быть в отношениях! Этот парень так невнимателен и не боится, что она убежит!

Чжао Ланьсян терпеливо сидела посреди ночи, но все же дождалась не его появления, а прихода учителя Гу.

Мужчина прислонился к стогу травы в полудреме. Кажется, он был пьян, говорил всякую ерунду:

— Не взрывай, разве не хорошо копать медленно?.. Меня не волнуют деньги на взрывчатку. Разве я похож на того, кто жаден до с трудом заработанных денег простых людей?

Чжао Ланьсян подошла и хотела расслышать все более отчетливо, но учитель Гу заснул окончательно.

Она задумалась, кто же будет сторожить этого спящего мужчину.

Чжао Ланьсян потрясла учителя Гу изо всех сил, но бедняга прошел через ряд ударов и тяжелый труд – в этот момент он спал таким крепким сном, что и десять волов не смогли бы его оттащить. Этот мужчина даже не заметил бы, если бы на него наступили.

Она беспомощно отпустила руки и снова присела на корточки спиной к двери дома, зевнула и продолжила читать.

***

Когда осенний сбор урожая был в самом разгаре, в школе Пань Юй начались каникулы. Школы предоставили ученикам длинные сельскохозяйственные каникулы. Эти студенты не учились должным образом, а просто проводили агитацию, скандировали лозунги и делали что-нибудь целый день – было бы лучше позволить им вернуться к сбору урожая.

Пань Юй была счастлива, ведь она могла увидеть Хэ Сунбая только после возвращения в деревню. После того, как девушка вернулась домой, Пань Юйхуа и невестка Пань без слов дали ей работу стоимостью шесть рабочих баллов и отправили на поле присматривать за зерном.

Лицо Пань Юй внезапно побледнело, и она снова и снова качала головой:

— Нет! Поменяйте мне работу, я лучше пойду на мельницу!

Ее глаза мгновенно налились кровью.

Невестка Пань была шокирована внезапной истерикой девочки. Она фыркнула и жалобно сказала:

— Мать Юйхуа просто благоволит к девчонке, которая не работает должным образом и не ходит в школу, поэтому она сошла с ума.

— Чего ты мелешь? Или ты хочешь снова пойти ко второму ребенку Хэ? Даже не думай об этом!

http://tl.rulate.ru/book/46619/1921287